

тенденцій XVIII-го вѣка: во-первыхъ, безвѣрія и пресыщенія, во-вторыхъ, энтузіазма и инициативы, второе, представителями котораго служатъ Дидро и Руссо, преобладаетъ теперь во Франціи. Дидро является истиннымъ предвѣстникомъ XIX-го вѣка; съ него начинается во Франціи широкое теченіе современной мысли. Онъ первый между французами писатель-космополитъ, жрецъ натурализма, великій журналистъ своего времени и популяризаторъ науки. Со всѣми свойствами его ума еще ближе познакомили тѣ изъ сочиненій его, которые много лѣтъ хранились въ петербургскомъ Эрмитажѣ и только недавно были изданы, а именно: „Опроверженіе Гельвеція“, „Основы фізіологіи“, „Планъ русскаго университета“, „Отрывки психологіи, этики, логики“, и т. д.

Дидро, со своими, не всегда ясными, но обильными и глубокими мыслями, бойкими гипотезами, всеобъемлющей симпатіей и универсальностью пониманія, сильнымъ инициаторскимъ умомъ и богатой ассоціаціей идей, приближается къ тому строю мысли, который породилъ „Фаустовъ“ и другія родственныя произведенія. Онъ уже въ свое время сильно возбуждалъ мысль современниковъ, но не далъ ничего цѣльнаго и полнаго. Зыбкость и подвижность мнѣній сдѣлали изъ него сѣятеля, щедро расточавшаго сѣмена мысли, но ни разу не высказавшагося вполне. Такъ, по свидѣтельству критиковъ, постоянные переливы мыслей и чувствъ помѣшали и современному намъ Аміелю дать что-либо цѣльное и законченное. Дидро опередилъ вѣкъ мыслями о трансформизмѣ и эволюціи. Онъ создалъ субъективную критику, т.-е. оцѣнку бойкую, непосредственную, пренебрегающую законами эстетики. Будто въ силу ясновидѣнія, задолго до возникновенія романтическихъ теорій, Дидро намѣтилъ ихъ словами: „Поэтамъ и пророкамъ свойственно обращаться къ прошлому и къ грядущему. Потому моментъ ихъ мысли всегда по ту или по эту сторону ихъ земной жизни“. Характеристиченъ слѣдующій анекдотъ. Гуляя въ полѣ съ Гриммомъ, Дидро сорвалъ хлѣбный колосъ съ василькомъ и задумался. — Чтò вы тамъ дѣлаете? — спрашиваетъ Гриммъ. — „Велушиваюсь“. — Кто говоритъ съ вами? — „Богъ“. — Ну, и что-жь? — „Онъ говоритъ по-еврейски (игра словъ: непонятнымъ языкомъ). Сердце понимаетъ, но умъ не достигъ высоты, нужной для пониманія“. Неужели это въ духѣ французскихъ отрицателей XVIII-го вѣка?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, С. М. Жирарденъ, посвятивъ сочиненіе разбору психическихъ особенностей Руссо, рассматриваетъ его какъ типъ нѣкоторыхъ немощей современнаго общества. Отбросивъ изъ разбора тѣ личные элементы, которые корет-